

Анна Гедымин
НЕЧАЯННАЯ ПРОЗА

Анна Гедымин
Нечаянная проза.
Художник Софья Смолина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120716

ISBN 9785448516153

Аннотация

В книгу включены мягко-ироничные новеллы и полная юмора повесть о детстве известной московской поэтессы Анны Гедымин. Автор относится к своей прозе как к чему-то невероятному, неожиданному, но оттого особенно любимому. А давний почитатель стихов Анны Гедымин, писатель, литературовед, профессор Института журналистики и литературного творчества Алексей Бархатов, разобравшись в истоках прозы поэтессы, находит этот жанр вполне для нее логичным.

Содержание

Вторая муза	5
Я, Чижик, торжественно обещаю...	8
Глава 1. О том, как полезно иногда начинать новую жизнь	8
Глава 2. О пользе морской похлебки	15
Глава 3. О птицах в нашей жизни	20
Глава 4. О том, как Чижики учились летать	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нечаянная проза

Художник Софья Смолина

Анна Гедымин

Иллюстратор Софья Смолина

Фотограф Андрей Тарасов

© Анна Гедымин, 2017

© Софья Смолина, иллюстрации, 2017

© Андрей Тарасов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-1615-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторая муза

(предисловие автора)

Я очень люблю свою прозу. Не в том смысле, что считаю гениальной и умиляюсь собственной неподражаемостью, нет! Люблю – как незаконное дитя, как нечто запретное, тайное, но, вопреки всему, свершившееся.

Тут, видимо, надо объясниться. Природа создала меня человеком, который думает стихами. Именно они звучат в голове по ночам, с ними я просыпаюсь, слоняюсь по улицам, с их помощью осмысливаю счастливые и трагические моменты жизни. Но стихи – это явный Божий дар. Они появляются ниоткуда, сваливаются на тебя внезапно и неотвратимо. Как дождь, как любовь. Они не требуют специальных усилий. То есть нет, они довольно многого требуют: чтобы их всегда ждали, были готовы к встрече, чтобы голова не оказалась занята суетливыми мыслями, а уши – назойливым шумом... Но это все равно не труд и не какое-то специальное усилие. Это ожидание подарка. А сами стихи – и есть подарок, вымечтанный, вымоленный.

Проза – совсем другое. Во-первых, без нее вполне можно жить. Во-вторых, она вовсе не сваливается на тебя с неба. Проза – это уже труд. Но труд – упоительный и любимый.

Я долго не решалась к ней подступиться. Боялась. Как я

найду единственно подходящее слово? Интонацию? Ритм? Каково мне будет без рифмы?

Помогла моя основная профессия – журналистика. Именно ей я обязана преодолением страха перед прозаическим текстом, пониманием, что и в нем есть свой звук, своя внутренняя гармония и напряжение.

Сначала из забавных воспоминаний о детстве как-то сама собой сложилась повесть «Я, Чижик, торжественно обещаю...» Это произошло, когда мне было уже почти 30. И потом сразу появился первый рассказ – «Свет погас». При чем писала я его во многом как стихи: думала, идя по улице, обкатывала в уме каждое предложение. Останавливалась. Бормотала. Записывала, ловя на себе недоуменные взгляды. Шла дальше, продолжая перебирать варианты. Бесконечно повторяла текст про себя с самого начала – благодаря такому странному «методу» я помню все свои рассказы наизусть. Во всяком случае, несколько лет после написания.

Дальше лет пять не было никакой прозы. А потом, вдруг, родилось сразу несколько рассказов. И снова – три года перерыва... Кстати, со временем все мои рассказы оказались опубликованными в самых разных журналах, сборниках, газетах (в том числе в родном «Московском комсомольце»), но больше всего – в журнале «Дружба народов». И я очень благодарна этому уважаемому изданию, особенно редактору Ирине Яковлевне Дорониной, что она одной из первых обратила внимание на мою (любимую) прозу.

К счастью, стихи не ревнуют меня к эпизодически появляющимся рассказам, не перестают сочиняться, иной раз даже одновременно с очередным прозаическим опусом. То есть смены жанров не произошло: стихи – это по-прежнему главное, дар Божий, а рассказы – это моменты счастливого и какого-то полузаконного труда. Когда есть время и возможность сесть за стол и записать то, что насочинялось во время прогулки по парку, а то и просто по пути в магазин.

Совсем недавно я попробовала читать рассказы на своих поэтических вечерах, для разрядки. И у них неожиданно появились поклонники. Собственно, по их просьбе я и собрала эту книжку. А собрав, обратилась к человеку, писателю, литературоведу, которому верю и к мнению которого всегда прислушиваюсь, – к Алексею Бархатову. Его глубокие и очень добрые размышления о моих стихах и прозе завершают эту книгу.

В нее вошло практически всё, что у меня написано в прозе. Я и сама иногда люблю перечитывать свои рассказы – в них много смешного, хотя нередко это смех сквозь слезы. Но и слезы здесь – светлы. «Печаль моя светла». Да, пусть эта пушкинская фраза станет эпиграфом к книжке моей нечаянной прозы.

Печаль моя светла...

Пушкин

Я, Чижик, торжественно обещаю...

Повесть о детстве

Глава 1. О том, как полезно иногда начинать новую жизнь

Не знаю, приходилось ли тебе когда-нибудь начинать новую жизнь. Мне приходилось, сто раз. Бывало, лежишь вечером в кровати и думаешь: все, с завтрашнего дня начинаю новую жизнь: научусь сама плести косы, буду делать зарядку, обтираться холодной водой. Или: начинаю новую жизнь, буду просыпаться на час раньше и до завтрака читать книжку.

Но иногда новая жизнь начинается сама, хочешь ты этого или не хочешь. Например, если переезжаешь жить на новое место.

Мне уже исполнилось шесть лет, когда наша семья получила отдельную квартиру. И поначалу меня это совсем не обрадовало. Почему? Да потому что ничего более интересного, чем наш старый арбатский дом, я тогда еще не видела. Представь себе огромную коммунальную квартиру с множеством соседей, комнат, закоулков, с черным ходом. Холодными вечерами папа топил печку: за маленькой тяжелой дверкой, похожей на вход в крепость гномов, разгорался яркий ого-

нек – сначала неуверенно, и вдруг сильно, с гудением. Белая кафельная стенка над дверкой становилась горячей и потом долго хранила тепло.

Много увлекательного было и у соседей: у одних – гигантский, во всю стену, аквариум, в котором медленно плавали большие рыбки и маленькие черепашки; у других – пружинная кровать под зеленым покрывалом, на которой мне иногда разрешали прыгать.

А однажды мама с папой подарили мне живую птицу со строгой мордочкой и желтой грудкой – синицу. Я ее сразу полюбила и назвала Карлушей. Но как раз в это же время соседи завели здоровенного рыжего кота. Так его и звали – Рыжий. Думали, что он станет охотиться на мышей, которых в нашем деревянном доме было множество. Но Рыжий предпочел охотиться на Карлушу.

Целыми днями кот просиживал у двери в нашу комнату. И когда ему удавалось проникнуть за дверь, он стремительно влезал на мой трехколесный велосипед и с него как раз доставал до птичьей клетки. Вцепившись тремя лапами в сиденье велосипеда, одну лапу Рыжий по локоть запускал между металлическими прутьями и так застывал, изредка пошевеливая пальцами с когтями. Карлуша, вереща, отскакивал к противоположной стенке своего жилища и тоже замирал. Так они и таранились друг на друга, время от времени издавая тревожные вопли, пока кто-нибудь не вытаскивал сопротивляющегося Рыжего за шиворот из комнаты.

Но эта война продолжалась недолго, вскоре бедный Карлуша начал хиреть. Как нам объяснил мой дядя, бывший лесник, – от ожорства. Оказывается, птицу, живущую в клетке, надо кормить умеренно, по расписанию. А я давала Карлуше столько зернышек, сколько он съест. Да еще радовалась его отличному аппетиту.

И тогда мама, папа и я решили отпустить нашего пернатого друга на волю и больше никогда не держать птиц в клетке. Птицы должны жить свободно, летать где хотят, и тогда все у них будет в порядке.

А Рыжий так привык бывать в нашей комнате, что продолжал забегать и без Карлуши. Ворвется, опрометью заберется по шторе под самый потолок и отдыхает, дремлет. Вообще красивый был кот, все жильцы большой квартиры его баловали, подкармливали чем-нибудь вкусненьким. Поэтому ни одно мышку он так и не поймал.

И вот все это кончилось. Новая квартира показалась голлой, очень светлой и чужой. Никаких соседей, никаких таинственных закоулков. Даже мышей нет. Конечно, хорошо, что последний этаж, – далеко видно, можно различить на горизонте тоненькую иголочку Останкинской башни. Но все равно грустно.

Мама не разделяла моих печальных настроений. Она целыми днями убиралась в квартирке, украшала ее, радостно напевала.

– Пойди, погуляй до обеда, – весело сказала мама. – Смот-

ри, какое солнышко!

Я понуро вышла во двор. Справедливости ради, надо сказать, что двор здесь был хороший, большой, с качелями, каруселями, песочницей, ярко раскрашенным домиком под дощатой крышей и деревянной горкой.

Вслед за мной из подъезда выбежала худенькая юркая девочка с хитрыми глазками.

– Ты новенькая? – сразу спросила она. – Из двадцатой квартиры? А меня зовут Ира. Тебе сколько лет?

– Шесть, – ответила я. Ира мне не нравилась.

– Врешь. Мне пять, а я тебя выше.

– Не вру.

– Нет врешь!

– Не вру! Я скоро в школу пойду!

Но Ира уже не слушала, она на разные голоса повторяла: «Вру-шка! Вру-шка!»

Я повернулась и бросилась обратно домой. Новая жизнь оказалась явно хуже прежней, и от этого в горле першило, на глаза наворачивались слезы. Но, поднимаясь по лестнице на пятый этаж, я успела немного успокоиться. Что же делать, надо как-то жить дальше. Конечно, ни о какой дружбе с крикливой Ирой речи быть не могло. Ну и ладно, буду гулять с Яшей.

Яша – моя гордость, моя плюшевая обезьяна с розовым личиком и длинным гнущимся хвостом. Папа говорит, что Яша точь-в-точь похож на живую мартышку.

Я посадила Яшу в кукольную коляску и снова вышла во двор. За время моего отсутствия неприятная Ира успела куда-то исчезнуть. А навстречу мне шла удивительная девочка, от изумления я даже забыла грустить! Начнем с того, что одной рукой эта девочка толкала перед собой кукольную коляску с плюшевой обезьяной! Правда, обезьяна, при ближайшем рассмотрении, оказалась много хуже Яши – какая-то толстая и совсем без хвоста. Но все равно, согласитесь, удивительное совпадение! И это еще не все! Девочка была приблизительно моего роста и моего возраста, одета, как и я, в яркую футболку и коротенькие шорты. Вообще она так походила на меня, что я бы не поверила своим глазам, если бы она не была беленькой-беленькой – с короткими льняными волосами и светло-серыми глазами. Я подумала о своих темных косичках и карих глазах и облегченно вздохнула.

– Тебя как зовут? – серьезно спросила беленькая девочка.

– Аня. А тебя?

– А меня Ира. Давай дружить.

Честно говоря, мне показалось странным, что всех девочек в этом дворе зовут Ирами. Тем временем моя новая знакомая продолжала:

– Ирка из четырнадцатой квартиры сказала, чтобы я с тобой не водилась. Поэтому я и решила с тобой дружить. Ирка противная, ты не обращай на нее внимания.

– Ладно, – кивнула я. – Хочешь, я тебе покажу на деревьях почки, которые можно есть?

– Какие почки? – не поняла Ира.

– Липовые. Почки «варежкой». Меня мой дядя научил.

Он бывший лесник. Пойдем?

– Пойдем! – обрадовалась Ира.

И мы покатали своих обезьян к нескольким невысоким липам, растущим в углу двора.

Почки липы действительно съедобны. То есть, если человек умирает от голода и случайно оказывается в какой-нибудь липовой аллее, он спасен. Но если он не умирает от голода, а, наоборот, вот-вот собирается сытно пообедать, липовые почки лучше не есть. На вкус это нечто травянистое и склизковатое.

– Ну как? – настороженно спросила я, когда Ира, наклонив тоненькую ветку, отщипнула одну почку.

– Здорово! – последовал радостный ответ.

И тут я поняла, что нашла настоящую подругу. Может быть, даже на всю жизнь. Такая подруга не подведет, не струсит! Не разревется в самый неподходящий момент!

В это время над нашими головами звякнуло окно, и голос моей мамы позвал: «Аня! Обедать!» Секундой позже распахнулось соседнее окно: «Ира! Обедать!»

– Это моя бабушка, – пояснила Ира. – Слушай, Аня, а ведь мы соседки по лестничной площадке! Вот здорово!

– Будем ходить в гости!

Когда мы, пыхтя, дотащили своих обезьян и коляски до пятого этажа, моя подруга сказала:

– Приходи ко мне вечером. Я умею готовить морскую похлебку, которую едят все моряки на кораблях.

– Откуда ты знаешь?

– А у меня папа – капитан дальнего плавания, – небрежно ответила Ира.

– Да-а? – изумилась я. – И где он сейчас плавает?

– Сейчас нигде, сейчас он дома.

И, привычно повернувшись к двери своей квартиры спиной, Ира оглушительно постучала в дверь каблуком (как ты понимаешь, до звонка нам было еще не достать). Я последовала ее примеру, про себя думая сразу о двух вещах: во-первых, в какой удивительный дом я попала, и, во-вторых, как здорово иногда начинать новую жизнь.

Глава 2. О пользе морской похлебки

Папа у Иры действительно оказался капитаном. В коридоре на «плечиках» висел его китель, а из глубины квартиры раздавался явно капитанский голос, низкий и чуть-чуть недовольный.

Мы с Ирой уединились на кухне, и пока моя новая подруга шумно искала все необходимое для приготовления морской похлебки, я сидела на скользкой табуретке и размышляла. Очень уж мне тоже хотелось чем-то удивить Иру.

– А мой дядя – лесник, – наконец, придумала я.

– Так ведь бывший, – живо откликнулась Ира (оказывается, она все запомнила).

– А между прочим, – еще немного подумав, выпалила я, – ты меня на год младше, поэтому должна уважать!

Ира застыла от неожиданности, ее большие серые глаза начали быстро наполняться слезами. Радость моей победы была безнадежно омрачена: я очень не люблю, даже боюсь, когда кто-нибудь плачет. Но Ира была не из тех, кто сдается без боя. Мигом взяв себя в руки, она принялась за подсчеты и скоро уличила меня во лжи: я старше всего на полгода. А полгода – не считается.

– Но я в школу пойду в этом году, а ты в следующем, – защищалась я.

– Ну и что? – Ира опять что-то искала под столом, для

чего ей пришлось встать на четвереньки. – А я за год стану юнгой и уйду в дальнее плаванье.

О том, что произошло дальше, мне рассказывать немного стыдно. Но обманывать не хочется. В общем, тогда мы впервые подрались. В результате чего выяснилось, что я сильнее, зато у моей подруги несравнимо более громкий голос. На ее рев сбежались все домашние: папа капитан – правда, не в форме, а в домашней куртке, мама и бабушка. К моему удивлению, поняв причину рева, они сразу успокоились, только мама строго сказала: «Ира! Ты ведь хозяйка! Драться негостеприимно!.. А зачем ты достала кастрюлю?» Узнав, что мы собираемся готовить морскую похлебку, с нас взяли слово, что мы не будем зажигать огонь на плите, – и взрослые ушли смотреть телевизор.

– Собственно, для приготовления морской похлебки огонь и не нужен, – проговорила Ира, все еще произвольно всхлипывая.

Она налила в кастрюлю воды из-под крана, покрошила черного хлеба, кинула несколько маринованных грибков из банки, круто все это посолила, поперчила и начала размешивать ложкой, приговаривая:

– Вот такую похлебку должен уметь готовить каждый юнга... По-моему, маловато соли... Пробуй!

– А тарелку?

– Ты что! На корабле не бывает тарелок. Там один котелок на всех.

– И ложка одна?

Оказалось – нет, ложка есть у каждого моряка, и ее нужно беречь. Через минуту мы, каждая своей ложкой, уплетали настоящую морскую похлебку.

– Ну как? – строго спросила Ира. – Только честно!

И я честно сказала: «Здорово!» Знаешь, произошло что-то загадочное: конечно, похлебка получилась странная, жидкая и очень соленая. Но она казалась вкусной, потому что такую едят настоящие моряки, на настоящем корабле. Уж Ира-то знает.

– Ну вот, – торжественно сказала маленькая хозяйка, когда с морской похлебкой было покончено, – можешь считать, что первое испытание юнги мы прошли. Ведь ты хочешь тоже быть юнгой?

– Конечно, хочу! – обрадовалась я. – А что для этого нужно?

– Что? – Ира на секунду задумалась. – Ну, быть смелыми, закаленными, тренироваться все время. Не обманывать. Уметь готовить морскую похлебку, – ну, это мы умеем... Так что завтра пойдем прыгать с горки. И еще – надо тренироваться на качелях, кого дольше не укачает.

– Зачем?

– Как зачем? А если шторм?

В этот вечер я долго не могла уснуть – все думала, думала... А думала я о том, что у Иры папа – капитан. И я сразу стала ей завидовать. А почему? Вот мой папа – инженер.

Но разве я согласилась бы поменяться с Ирой папами? Никогда в жизни! Мой папа – самый умный из всех людей, которых я встречала. И всегда что-то интересное рассказывает. К тому же, папа научил меня плавать кролем. Да и вообще я его люблю и очень скучаю, когда он уезжает в командировку или на байдарке. Кстати, надо узнать, умеет ли Ира плавать кролем.

И маму свою я бы ни за что не променяла на капитана. Никто на свете не умеет создать такое праздничное настроение, как моя мама. Она даже посуду моет весело, и я люблю в это время вытирать вилки и ложки – чтобы мне тоже становилось весело. Руки немножко мерзнут от воды, и внутри становится как-то щекотно, и хочется смеяться.

А иногда мы втроем поем песни, и чаще других – колыбельную «Наступи-ил час ночью-ой...» Вообще у нас многие родственники любят петь. Когда я гощу у бабушки с дедушкой, первым по утрам просыпается дедушка – ему рано на работу. Дедушка начинает готовить завтрак и одновременно – петь. И это очень смешно, поскольку у него абсолютно нет музыкального слуха, и все мелодии получаются странными, неправильными. Дедушка это знает, но ничуть не стесняется, потому что любит петь и ничего не может с собой поделаться. И мы с хохотом просыпаемся и с хохотом бежим на кухню – я и Кира, моя двоюродная сестра.

Нет, никого из родственников мне бы не хотелось поменять на капитана. А значит, не в капитанстве дело, не в том,

какая у человека должность.

С этими приятными, в общем-то, мыслями я уснула.

Глава 3. О птицах в нашей жизни

Однажды по пути в школу со мной произошло чудо. Дело было так.

Ира все еще ходила в детский сад, и я направлялась к школе в одиночестве. А чтобы не тратить время зря, тихонько насвистывала. Свистеть научил меня папа, но громко у меня пока не получалось. А поскольку я считала, что каждый юнга должен уметь издавать оглушительный свист, я решила развить в себе эту способность.

Ну вот, иду, насвистываю и вдруг слышу, что кто-то меня как бы передразнивает. Оглядываюсь – никого. Опять начинаю свистеть. И тут понимаю, что вторит мне птица! Синица! – это я сразу поняла, когда ее разглядела: она была в точности похожа на Карлушу. Я остановилась и прекратила свистеть – и синица замолчала. Я засвистела – и она ответила тем же. Я сделала несколько шагов по тропинке – и синица перелетела с одного дерева на другое, чтобы не отстать. Вот это да! Так синица проводила меня до самой школы.

Весь первый урок я была сама не своя, обдумывала произошедшее. Мне даже показалось, что это и есть Карлуша – узнал, где я живу, и решил проведать.

На следующее утро я вышла на улицу с замиранием сердца. А вдруг синица больше не появится? Я посвистела – и тут же услышала ответ! И увидела желтенькую птичку. Так

повторялось каждое утро. Я поставила несколько экспериментов и убедилась в следующем:

1. На имя Карлуша птица не откликается, так что, видимо, это не он.

2. Днем отыскать мою синицу не удастся, она появляется только в определенное время – утром.

Когда я рассказала о своей синице в школе, мне никто не поверил. А учительница Ида Ефимовна строго сказала: «Аня, это прекрасно, что у тебя так хорошо работает фантазия. Но человек должен уметь отличать выдумку от реальности».

В общем, я расстроилась. И больше всего меня беспокоило вот что: а вдруг Ира тоже мне не поверит? Не скрою, иногда мне действительно доводилось кое-что придумать – просто так, чтобы было интереснее. Например, недавно я сказала, что съела в парке десять порций мороженого, и потом у меня целый час изо рта шел пар. Ира мне, конечно, не поверила. И я совершенно не обиделась, – это не очень обидно, когда не верят всяким пустяковым выдумкам. Но когда не верят правде – это уже серьезно. Настоящий друг не может не поверить правде! Иначе какой же он друг?

Вечером этого же дня я зашла к Ире и тайно, на кухне, рассказала о моей синице. Знаешь, я напрасно беспокоилась – Ира ни на секунду не усомнилась в моих словах! У меня просто гора с плеч упала. Даже несмотря на то, что Ира проявила к синице очень мало интереса – сразу переве-

ла разговор на другую тему (о том, что хорошо бы сходить в воскресенье на ипподром покататься на лошадях).

А вскоре моя дружба с синицей оборвалась. После зимних каникул птица уже не появлялась. Наверное, она прилетала к дому по утрам, ждала, а меня все не было. Вот она и обиделась. Или просто перелетела жить в какой-нибудь другой двор. Я, конечно, погрустила, но недолго. Может быть, в другом месте моей синице больше понравилось...

Вообще в нашей жизни птиц всегда было немало. Как-то раз мы с Ирой даже спасли жизнь воробью. Кошка уже держала его в зубах, когда мы на нее набросились. Убежать ей не удалось – Ира ловко схватила ее за хвост. Кошке не оставалось ничего другого, как выпустить свою жертву. Воробышек упал на землю точно мертвый, он был весь потрепан и истерзан. Но сердечко у него часто-часто билось. И мы решили его выходить.

Прибежав ко мне домой, мы промыли ранки на теле птички и перевязали их бинтиками.

– По-моему, у него сломана лапа, – задумчиво сказала Ира.

– Какая? – спросила я.

– Вон та. Нет, пожалуй, вот эта.

Недолго думая, мы наложили повязку еще и на лапку. Воробей слабо сопротивлялся, но он просто не понимал, что мы делаем как лучше. Забинтованную птичку мы поместили в коробку с ватой, накрошили хлеба, крупы, налили во-

ды в кукольную чашку и поставили коробку на подоконник, к солнечному свету.

– Не забывай почаще проветривать, – уходя обедать, наставляла меня Ира. Я приоткрыла окно.

День был выходной, за столом собралась вся наша семья: мама, папа и я. Я то и дело подбегала к коробке и смотрела, обедает ли воробей. Но нет, он только поглядывал на меня и не шевелился.

– Оставь его в покое, – посоветовала мама. – Он должен привыкнуть к новому месту.

Мы отвлеклись от нашего больного – кажется, по телевизору показывали мультяшки. Особенно я отвлеклась. И в этом была роковая ошибка.

– Воробей улетел! – вдруг закричала мама.

Я бросилась к коробке – но поздно. Ты представляешь, он выпорхнул в открытое окно! На нем некрасиво мотались наши бинты и кусочки ваты, а в коробке, в луже расплескавшейся воды, осталось несколько перышек...

Я не выдержала и заплакала. Хотя юнги и не должны плакать.

– Да что ты, глупенькая! – улыбнулась мама и погладила меня по голове. – Радоваться надо! Значит, вы его вылечили, он выздоровел!

То же самое моя мама сказала Ире, когда та с горсткой семечек пришла проведать больного.

– А разве можно так быстро выздороветь? – с сомнением

спросила Ира.

– Воробей маленький, у него все происходит быстрее, чем у людей, – ответила мама. И поспешно добавила: – А вот человеку, когда он заболит, надо не меньше пяти дней посидеть дома.

Это мама намекала на меня и мое заболевшее горло. На следующий день пришел врач и тоже велел мне сидеть дома и хотя бы три дня не видиться с Ирой, чтобы не заразить.

Надо сказать, три дня я провела с пользой: прочитала замечательную книжку о девочке Пеппи Длинныйчулок. Эта девочка обладала необыкновенной силой – могла запросто поднять лошадь! И, кстати, у нее были две косички, как у меня. Так что зря Ира посмеивается над моими косичками и говорит, что юнги косичек не носят. Зато по праздникам мне не завязывают на макушке огромный бант, как некоторым. Разве юнги бывают с бантами на макушке?

Во время болезни Иру ко мне не пускали. Но она несколько раз в день передавала мне через родителей то яблоко, то красивую почтовую марку, то значок с изображением якоря. И вот, наконец, дело пошло на поправку. Смеркалось, книжка про Пеппи была дочитана, горло уже не болело. Я заскучала. И тут забежала Ира. Взглянув на ее лукавую физиономию, я сразу поняла: что-то произошло.

– Аня, – затараторила Ира, – меня сейчас тащат в гости. Но – знаешь, во всех газетах написано, что из зоопарка уле-

тел редкий заокеанский голубь коричневого цвета. Ты газеты не читаешь?

– Нет, не читаю, – призналась я. – А что?

– Ничего, просто голубь улетел. И за его поимку объявлено вознаграждение.

– Ира, за тобой мама пришла, – заглянув в комнату, сказал мой папа. На пороге тут же появилась Ирина мама:

– Ира, скорее, ты еще не одета. Аня, как ты себя чувствуешь? Поправляешься? Ира тебе уже рассказала, что к нам голубь залетел?

– Мам, ну пойдем! – взмолилась Ира, предательски заливаясь румянцем.

– Коричневый голубь? – заинтересовалась я.

– Да, коричневый, – уже из прихожей отозвалась Ирина мама.

Когда за ними захлопнулась входная дверь, я спросила у папы, не видел ли он объявления о заокеанском голубе, улетевшем из зоопарка. Мой папа читает множество газет и помнит все, что в них написано. Но про заокеанского голубя он слышал впервые.

Ты, конечно, уже догадался, читатель, что про газеты Ира сочинила. Я сначала собиралась устроить ей за это взбучку, но потом передумала. А то вдруг Ира перестала бы фантазировать – как скучно было бы с ней дружить!

Что касается коричневого голубя – правда, никакого не заокеанского, а самого обыкновенного, – то он действи-

тельно существовал. Мы несколько дней пытались его приучить, но голубь дрессировке не поддавался и только закапал всю Ирину квартиру белым пометом. После чего, по настоянию папы капитана, был выдворен на волю.

Глава 4. О том, как Чижики учились летать

Теперь, когда ты многое о нас знаешь, пришло время посвятить тебя в нашу главную тайну – тайну Чижигов. Чижик – это прозвище. Прозвища бывают разные: и добрые, и злые, и обыкновенные. Например, когда мальчика по фамилии Кузнецов зовут Кузей – это обыкновенное, очень распространенное прозвище, просто для краткости. Нашего школьного учителя по физкультуре Бориса Яковлевича для краткости прозвали Бяша. Но это уже не совсем обыкновенное прозвище, оно немножко передает характер человека (наш Бяша ужасно любил устраивать на уроках соревнования по прыжкам, особенно через «козла»). А вот пожилого учителя математики, любимца школы, прозвали необыкновенно: Поняли. Такое прозвище постороннему непонятно, здесь надо кое-что знать. Дело в том, что этот самый учитель математики имел привычку часто спрашивать во время объяснения нового материала: «Ну что, дети, по-оняли?» Или просто: «По-оняли?» Мы даже эксперименты ставили – сколько раз он повторит это слово за один урок. Рекорд был, если не ошибаюсь, 27 раз.

Но вернемся к Чижикам. Это совсем необыкновенное прозвище – что-то среднее между именем отважного индейца и конспиративной кличкой тайного агента. Такое прозви-

ще должен знать очень узкий круг самых близких людей. Даже родственники могут быть не в курсе.

Короче говоря, в один звонкий и яркий весенний день мы с Ирой решили выдумать себе такие прозвища, которых бы никто, кроме нас двоих, не знал. Ни родители, ни одноклассники. И тут меня сразу осенило: Чижик! Думаю, это слово возникло неслучайно, ведь птицы, как ты знаешь, играли немалую роль в нашей жизни.

Ира охотно согласилась быть Чижиком. Но теперь ей предстояло самое сложное: придумать не менее точное прозвище для меня. Она несколько минут в раздумье походила вокруг меня, критически оглядывая, и вдруг твердо сказала:

– Я тоже буду звать тебя Чижик!

Я опешила:

– А как же мы будем друг друга различать?

– Очень просто: если я говорю «Чижик» – значит обращаюсь к тебе, а если ты – то ко мне. Ведь только мы вдвоем будем пользоваться этим прозвищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.